А. В. КАРПОВ, Ю. М. ПЕРЕВОЗКИНА, О. О. АНДРОННИКОВА

Темпоральная системность ролевой социализации личности

Цель данного исследования предполагала изучение диахронических закономерностей ролевой социализации. Это включало рассмотрение ролевой социализации в виде системного комплекса динамически функционирующего и объединяющего несколько гетерогенных образований (личность, социум, культура). Такая постановка проблемы позволяет отнести ролевую социализацию к системам особого темпорального типа. Отмечается, что эффективность ролевой социализации напрямую зависит от ее процессуальной организации во временном измерении. Раскрывается, что основными критериями диахронии ролевой социализации выступают качественные различия этапов ролевой социализации, их последовательность во временном континууме и преодоление рассогласования между ролевыми моделями, потребностями и ожиданиями. Дается анализ синхронии и диахронии применительно к ролевой социализации, которая может быть встроена в сложную двумерную иерархическую матрицу синхронной и диахронной организации. Синхрония может быть представлена в виде согласования внутренних ресурсов личности и требований среды, а диахрония – нарушением равновесия между индивидом и обществом.

В соответствии с целью исследования был проведен множественный регрессионный анализ, в котором переменными предикторами выступили ролевые модели, а переменными откликами три интегральных фактора социализации, определенных в процессе факторного анализа (социальная активность, социальная удовлетворенность и психосоциальное принятие). Регрессионные модели строились в четырех сферах жизнедеятельности (семейная, неформальных контактов, профессиональная и сексуальная). Результаты МРА показали, что все модели являются статистически значимыми ($p = 0,000$), переменные предикторы обнаруживают умеренную и тесную взаимосвязь с переменными откликами ($R = 0,5-0,9$) объясняя от 41 % до 79 % изменчивости переменной отклика.

В заключении делается вывод, что сферы жизнедеятельности, представляющие субсистемный уровень системного комплекса ролевой социализации, являются функциональными образованиями комплексирующими роли в определенный ролевой тезаурус. Это демонстрирует, что сферы представляют полисистемные образования, заполненные взаимодействием между ролевыми моделями. Вместе с тем эти ролевые модели выступают детерминантами эффективной социализации личности, трансформируясь в содержание системного комплекса на определенном этапе и демонстрируя прогрессирующую интеграцию. Таким образом, ролевая социализация представлена в виде системного комплекса темпорального типа, эксплицирующего организацию самого процесса функционирования системы.

Ключевые слова: социализация, ролевые модели, временной континуум, система, системный комплекс, диахрония, синхрония

Ссылка для цитирования:

Карпов А. В., Перевозкина Ю. М., Андронникова О. О. Темпоральная системность ролевой социализации личности // Перспективы науки и образования. 2019. № 5 (41). С. 359-372. doi: 10.32744/pse.2019.5.25

A. V. KARPOV, Y. M. PEREVOZKINA, O. O. ANDRONNIKOVA

Temporal systematic role socialization of personality

Diachronic patterns of role socialization are explored. Role-based socialization in the form of a dynamic system complex that integrates several heterogeneous entities (personality, society, culture) is considered. The problem formulation makes it possible to assign role socialization to systems of a special temporal type. The author investigated the relationship between the effectiveness of role socialization and its procedural organization in the time dimension. The study reveals that there are main criteria for the diachrony of role socialization, among of which are the following: qualitative differences between role socialization stages, their sequence in the temporary deployment and overcoming the mismatch between role models, needs and expectations. Analysis determined that synchrony and diachrony in the context of role socialization may be built into a complex two-dimensional hierarchical matrix of synchronous and diachronic organization. Synchrony can be represented in the form of matching the internal resources of the individual and social expectations, and diachrony – a balance contravention between the individual and society. According to the study purpose, multiple regression analysis was performed, where were variable predictors (role models), and variable responses (three integral socialization factors: social activity, social satisfaction, and psychosocial acceptance), that identified by factor analysis. Regression models were built in four spheres of life (family relations, friends, professional and sexual). The results of the MPA showed that all models are statistically significant ($p = 0,000$), variable predictors reveal a moderate and close relationship with variable responses ($R = 0,5-0,9$) explaining 41% to 79% of the variability of the response variable. The results suggest that the spheres of life, representing the subsystem level of the system complex of role socialization, are functional entities complexing roles in a certain role thesaurus. The findings demonstrate that these spheres represent multiple systemic formations filled with interactions between role models. At the same time, these role models determine effective socialization by transforming into the content of the system complex. Results support the concept that role socialization is presented in the form of a temporal type systemic complex, that explicates the organization of the system operation process.

Key words: socialization, role models, temporal continuum, system, system complex, diachrony, synchrony

For Reference:

Karpov, A. V., Perevozkina, Y. M., & Andronnikova, O. O. (2019). Temporal systematic role socialization of personality. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education*, 41 (5), 359-372. doi: 10.32744/pse.2019.5.25

Введение

Изучение социализации как процесса не является для социальной психологии новым. Вместе с тем принятие во внимание исторического развития социализации требует от социально-психологического исследования инновационных теоретико-методологических оснований, способствующих становлению научного представления о механизмах, развитии и динамике социализации личности. Существующее понимание двустороннего характера социализации, как результата и как процесса усложняет решение научной задачи. Вместе с тем игнорирование временной организации социализации лишает исследование данного явления одного из главных планов изучения этой проблемы. В частности, и отечественные и зарубежные социальные психологи признают, что процессуальная сторона социализации, может быть представлена в двух основных направлениях. Первое предполагает присвоение общественного опыта, символов, ролей и знаний через интеграцию в социум [1]. В этом случае говорят о ролевой социализации личности, которую рассматривают сквозь призму освоения ролей и ролевых ожиданий. Второе направление учитывает активную составляющую субъекта и включает в себя воспроизводство полученных социальных знаний и опыта посредством активной деятельности в социальной среде [2]. Оба направления предполагают сукцессивный ряд последовательных операций. Существующие в современной социальной психологии подходы (синергетический, системно-функциональный, метасистемный) предоставляют возможность рассмотреть ролевую социализацию в динамике. При этом, необходимо отметить, что эффективность ролевой социализации напрямую зависит от ее процессуальной организации во временном измерении. Такая временная организация воплощает в себе черты системности особого типа – временного. Социализация исторически представлена в виде сложного, многомерного образования, динамично функционирующего и включающего в себя другие полифункциональные системы. В этом контексте ролевая социализация представляет не закрытую целостную систему, а открытый системный комплекс в котором несколько систем (личность, культура, общество, наряду с другими известными) взаимодействуют друг с другом. Это обстоятельство позволяет ее обозначить как системный комплекс, который как большинство сложноорганизованных процессов взаимодействия со средой может быть отнесен к системам темпорального типа [3]. Основными критериями диахронии ролевой социализации выступают качественные различия этапов ролевой социализации и их последовательность во временном континууме. Выполненные с учетом этого аспекта исследования ролевой социализации, представляют научные данные о закономерностях и механизмах вхождения личности в окружающую среду.

Постановка проблемы предполагает, что в рамках диахронического подхода ролевая социализация может быть представлена в виде системного комплекса включающего в себя системы, которые взаимодействуют и переходят друг в друга. Авторская идея заключается в предположении, что ролевая социализация может быть представлена в ее диахронической – темпоральной организации. Такая организация, в свою очередь, выступает высшей формой диахронической организации системы или системного комплекса. Необходимо подчеркнуть, что процессуальная системность представляет саму суть, содержание и бытие ролевой социализации личности. Общий

смысл сказанного состоит в том, что существуют определенные закономерности, которые в значительной степени конституируют собственное время такого рода систем, составляя основание «бытия систем во времени» [3].

Работы, направленные на изучения систем диахронического типа характеризуются количественным и качественным многообразием. Так мышление рассматривается как диахронический процесс и подробно обсуждается в современных работах [3; 4]. Визуализация мышления как диахроническое явление представлена в статье D. Carter [5]. S.A. Rahim [6] показано, что детерминантами диахронического поиска информации могут выступать внутренняя мотивация, адекватность информации, референтность информации и вовлеченность в проблему. Мыслительный процесс, рассматривается J. Broome [7] в виде диахронической деятельности, необходимой человеку для удовлетворения синхронных требований рациональности.

Значительное количество работ направлено на изучение синхронности-диахронности идентичности личности. Так в исследовании A.R. Pruss [8] обсуждается проблема диахронической идентичности, которая сводится к количественному определению синхронной идентичности и существованию в пространственно-временном континууме. Диахроническая самопрезентация личностной идентичности как непостоянство Я-убеждений затрагивается в статье D.M. Kovacs [9], которому противоречат O. Magidor [10] и L. Ferrero [11], утверждающие, что при правильном формулировании диахронического универсализма этот принцип не влечет за собой неопределенность и непостоянство. Более того авторы указывают, что в практическом случае учет временной идентичности представляется многообещающим, по сравнению со структурным подходом. Согласно D. McConnell [12] диахронические ценности и цели образуют основу личной идентичности. В свою очередь аддикции наносят наибольший вред диахроническим ценностям в противоположность синхроническим. Это связано с тем, что диахронические цели не связаны друг с другом и их трудно достичь. Освобождение от зависимости, по мнению автора, включает в себя воссоздание диахронических ценностей, которые автор сравнивает с поиском смысла. Изучение десоциализации зависимых подростков через временное структурирование предлагается в работе D.V. Clark et al. [13], которые делают акцент на исследовании временной вовлеченности предикторов аддиктивного поведения подростков. Не вдаваясь в излишние обсуждения диахронического и синхронического подходов в исследовании идентичности личности, укажем, что еще в прошлом веке исследователи [14; 15] отмечали важность привлечения диахронического подхода в социально-психологических исследованиях.

С точки зрения О.С. Разумовского [16] диахрония и синхрония дополняют друг друга, находясь во взаимоотношении статики и динамики. Синхрония ролевой социализации предполагает взаимодействие гетерогенных систем (общества, культуры, личности и пр.) в определенный временной интервал. Диахрония, в свою очередь, отражает последовательность событий включающих освоение ролевых моделей, понимание ролевых ожиданий, зафиксированных в культуре, осознание условий их реализации и собственных потребностей и возможностей. Следовательно, диахрония реализует протяженность по временной оси двух или более последовательных событий и состояний. Анализ, осуществленный в исследовании T. Nakajima [17] показывает, что биологические и социальные системы встроены в сложную двумерную иерархическую матрицу синхронной и диахронной организации. Эти системы (сущности) обладают свойством поддерживать свою организацию путем постоянного производства компонентов ими самими. Любой процесс, как указывается в одной из современных

работ [3], строится по принципу нерасчленённой целостности, однако важной особенностью этих систем выступает учет их парциальных результатов. Интересным фактом выступает то, что эти парциальные результаты сначала формируются для эффективного функционирования субъекта, а затем активно используются в реализации этого функционирования. Основываясь на этой способности к самоорганизации, эти системы способны к воспроизведению других систем. Это двойственное свойство образует уникальные иерархические организованные системы, к которым относится социализация. По Т. Nakajima [17] синхронное участие в организации подразумевает, что состав сущности фиксируется во времени, независимо от модели. Вместе с тем, диахронический процесс включает изменения в компонентном составе, но при сохранении соответствия определенной модели. Диахрония в контексте ролевой социализации может быть рассмотрена в структурных, качественных трансформаций ролевых моделей и социокультурных ожиданий в личности как открытой системе. Иначе говоря, происходит переход одной системы (например, общества в виде ролевых моделей) в другую (личность).

Согласно М.В. Григорьевой [18] субъект, взаимодействуя со средой, стремится к достижению цели, при этом синхрония может быть представлена в виде согласования внутренних ресурсов личности и требований среды, а диахрония – нарушением равновесия между индивидом и обществом. В частности, в рамках ролевой социализации личность обнаруживает себя в конкретной ситуации. Вследствие этого она анализирует эту ситуацию, оценивая свои желания, возможности и подбирая необходимые ролевые модели, которые либо приводят к минимуму рассогласование между потребностями и требованиями окружающей среды, либо нет. Следовательно, критерием диахронического существования системного комплекса может выступать преодоление рассогласования между ролевыми моделями, потребностями и ожиданиями. Эффективность ролевой социализации достигается вследствие успешной реализации ролевой модели к определённой ситуации и достижении равновесия между личностью и средой. Нарушение ролевой социализации сопровождается разрывом между требованиями среды и ролевой моделью, мотивом и пониманием ролевых ожиданий личностью. В связи с этим можно выделить несколько ролевых конфликтов (конфликт аутентичности роли, экспектационный конфликт и мотивационно-ролевой конфликт). В контексте работы М.В. Григорьевой действия, направленные на нивелирование обнаруженного несоответствия, включают интеллектуальные, мотивационные, эмоциональные аспекты. Автор особо обращает внимание, на то, что достижение динамического взаимодействия индивида и среды выступает функцией системы социализации.

Материалы и методы

Таким образом, для дальнейшего изучения феномена социализации, необходимо рассмотреть проблему функциональной организации процессуально-психологических систем. К таким системам относится ролевая социализация, представляющая не систему в «чистом виде», а системный комплекс, объединяющий несколько системных образований. С целью изучения одной из диахронических закономерностей, представляющей центральную позицию для систем или системных комплексов темпорального типа и раскрывающейся в двойственности синхронической и диахронической организации, был предложен множественный регрессионный анализ (МРА).

Основная гипотеза включала следующее допущение, что системный комплекс ролевой социализации конституирует собственное время. Это раскрывается в способности распределять свой функциональный ресурс вдоль временного континуума. Подобное временное структурирование предполагает сначала дифференциацию исходного целого (ролевой социализации на ролевые модели и сферы), а затем их генерирование, но только тех компонентов, которые системный комплекс в состоянии реализовать [3]. Иначе говоря, ролевые компоненты вначале дифференцируются в каждой сфере, а затем подвергаются временному синтезу, но в иерархической последовательности. Такое структурирование будет отражать как диахроничность, так и синхроничность ролевой социализации. Процедура анализа заключалась в том, что на первом этапе проводился факторный анализ по ряду методик («Анкета социализации» Ф. Прюс, «Оценка состояния адаптированности личности» (ОСАДА), «Шкала субъективного благополучия» (ШСБ) А. Perrudet-Badoux, G. Mendelsohn, J. Chiche, в адаптации М.В. Соколовой, «Шкала социального самоконтроля» (ШСС) М. Снайдер, «Шкала социальной фрустрированности» (ШСФ) Л.И. Вассерман), в результате чего была получена факторная структура социализации отдельно для подростков ($N = 396$) [19] и отдельно для представителей юношеского возраста ($N = 891$) [20]. Полученные факторные структуры на обеих выборках продемонстрировали высокую устойчивость – было обнаружено три интегральных фактора (социальная активность, социальная удовлетворенность и психосоциальное принятие) и объясняли более 60 % общей изменчивости. На втором этапе были определены новые значения для каждого испытуемого по трем интегральным факторам, которые выступили переменными откликами в МРА. В свою очередь переменными предикторами явились ролевые модели (методика «Калейдоскоп» Ю.М. Перевозкина, Л.В. Зиновьева, О.О. Андронникова, Н.В. Дмитриева) и локус ролевого конфликта (опросник ЛРК П.П. Горностай). Рассчитывались регрессионные модели в четырех сферах жизнедеятельности субъекта (семейная, неформальных контактов, профессиональная, интимно-сексуальная).

Результаты исследования

Результаты МРА показали, что все модели являются статистически значимыми ($p = 0,000$), переменные предикторы обнаруживают умеренную и тесную взаимосвязь с переменными откликами ($R = 0,5-0,9$) объясняя от 41 % до 79 % изменчивости переменной отклика (см. табл.).

Таблица

Итоговые статистики регрессионных моделей в четырех сферах

Сферы	Статистики	Социальная активность	Социальное принятие	Психосоциальная удовлетворенность
Семейная	R	0,76	0,81	0,74
	R ²	0,57	0,65	0,55
	p	0,00	0,00	0,00
Неформальных контактов	R	0,64	0,53	0,75
	R ²	0,41	0,47	0,56
	p	0,00	0,00	0,00

Профессиональная	R	0,89	0,75	0,78
	R ²	0,79	0,68	0,66
	p	0,00	0,00	0,00
Сексуальная	R	0,88	0,86	0,77
	R ²	0,78	0,74	0,62
	p	0,00	0,00	0,00

Наиболее тесные связи между ролевыми моделями и интегральными факторами социализации молодежи обнаружены в сексуальной сфере (усредненный коэффициент множественной корреляции R составил 0,84) и в профессиональной сфере (усредненный коэффициент множественной корреляции R составил 0,81). Наименее тесные связи были выявлены в сфере неформальных контактов (усредненный коэффициент множественной корреляции R составил 0,64). Переменная отклик социальная активность имеет наиболее тесные связи с ролевыми моделями (усредненный коэффициент множественной корреляции R составил 0,79). Несколько ниже ($R = 0,76$) усредненный коэффициент множественной корреляции между ролевыми моделями и интегральным фактором социализации социальная удовлетворенность. Наиболее низкий, но все же достаточно тесный ($R = 0,74$) усредненный коэффициент множественной корреляции между ролевыми моделями и интегральным фактором социализации социальное принятие. Ролевыми моделями, предсказывающими социальную активность в семейной сфере, выступают в основном мужские ролевые модели (исключение составила ролевая модель Матери) с коэффициентами от 0,4 до 0,65 по модулю (см. рис.).

Рисунок Структурограмма вклада ролевых моделей в предсказание интегральных факторов социализации молодежи

Наоборот социальное принятие обуславливают преимущественно женские ролевые модели с коэффициентами от 0,52 до 2 по модулю. Ролевой конфликт для переменной отклика социальная активность выражен по интернальному типу (ориентация на собственные ценности, потребности, желания, интересы), а для социального принятия по экстернальному типу (ориентация на общественные требования, нормы, правила). Как мужские, так и женские ролевые модели выступают предикторами для переменной отклика психосоциальное принятие с коэффициентами от 0,26 до 0,43 по модулю. Ролевые модели Ведьмы и Трикстера вносят отрицательный вклад во все три интегральных фактора социализации.

Социальная активность в сфере неформальных контактов обусловлена такими ролевыми моделями как Старуха, Дева, Трикстер, Ведьма, Герой, Отец, Старик и локус ролевого конфликта с коэффициентами от 0,04 до 1,1 по модулю. Социальное принятие по-прежнему детерминировано женскими ролевыми моделями (Мать, Ведьма, Дева) с коэффициентами от 0,48 до 0,82 по модулю. Переменная отклик испытывает на себе влияние ролевых моделей Старик, Девочка, Герой, Дева, Мальчик и локус ролевого конфликта с коэффициентами от 0,23 до 1,41 по модулю. Необходимо отметить, что сфера неформальных контактов обладает наиболее полным ролевым составом, по сравнению с семейной сферой. Ролевые модели Старика, Старухи, Ведьмы и Трикстера вносят отрицательный вклад в регрессионные модели.

В профессиональной сфере на социальную активность влияют ролевые модели Отца, Героя, Трикстера и Ведьмы с отрицательным вкладом у последних и с коэффициентами от 0,14 до 0,89 по модулю. В объяснение изменчивости социального принятия в профессиональной сфере вносит значимый положительный вклад ролевая модель отца наряду с ролевыми моделями Матери, Девы и Ведьмы с отрицательным вкладом у последней с коэффициентами от 0,1 до 0,51 по модулю. Психосоциальная удовлетворенность детерминирована ролевыми моделями Героя, Девы, Отца и Трикстера с отрицательным вкладом последнего с коэффициентами от 0,33 до 0,43 по модулю.

Итоговые регрессионные модели для сексуальной сферы демонстрируют значимый положительный вклад в переменную отклик социальная активность ролей Трикстера, Ведьмы, Героя и локуса ролевого конфликта с коэффициентами от 0,12 до 1,22 по модулю. Социальное принятие обусловлено такими ролевыми моделями как Дева, Старуха, Трикстер и локус ролевого конфликта с коэффициентами от 0,5 до 2,5 по модулю. И, наконец, переменная психосоциальное принятие детерминирована ролями Девы, Ведьмы, Героя, Трикстера, Старика, с отрицательным вкладом последнего с коэффициентами от 0,15 до 0,58 по модулю.

Обсуждение результатов

При обсуждении полученных результатов остановимся на нескольких важных моментах. Во-первых, данные МРА свидетельствуют, что ролевые модели дифференцированы в различном объеме и в различной последовательности в каждой из четырех жизненных сфер. Так наиболее полный ролевой набор представлен в сфере неформальных контактов, и это совершенно очевидно, т.к. именно эта сфера предполагает максимальное разнообразие ролевого репертуара. Согласно данным Н. Gerardy, N. S. Mounts, A. E. Luckner & D. P. Valentiner [21] молодежь с более широким ролевым репертуаром демонстрируют высокую социальную интеграцию в референтную группу

и просоциальное поведение. Семейная и близкая к ней интимно-сексуальная сферы представляют значительный, но не полный ролевой репертуар. В семейной сфере преобладают роли Матери и Отца, Девы, Героя и Девочки. Обобщающим смыслом для всех этих моделей выступает внесение созидательного вклада в создание и сохранение семьи. В сексуальной сфере доминируют четыре роли Трикстер, Ведьма, на первых позициях и Герой с Девой на вторых позициях. Первые две роли демонстрируют женскую и мужскую сексуальную энергию (либидо в терминах З. Фрейда), неконтролируемую, импульсивную страсть. Вторая плеяда ролей отражает женскую и мужскую сексуальность в более приемлемом социализированном виде. Это может быть представлено в виде соотношения секса между мужчиной и женщиной дикого племени и цивилизованными представителями женского и мужского. Отвергаемые роли в сексуальной сфере – это роли Старика и Старухи (см. рис.). Однако существуют исследования, доказывающие сексуальную активность в пожилом возрасте [22-24]. Вместе с тем для молодых людей пожилой возраст не ассоциируется с сексуальностью. Меньше всего представлено ролей в профессиональной сфере, которая требует от субъекта более формального ролевого исполнения. В нашей совместной работе было продемонстрировано, что уровень рефлексивности руководителя детерминирует структуру деятельности, и наоборот рефлексивность зависит от организации структуры управленческой деятельности [25]. В профессиональной сфере задействованы роли, характеризующиеся активной социальной направленностью, деятельностной позицией, которая имеет как положительный эффект (Мать, Отец, Герой, Дева), так и отрицательный (Трикстер, Ведьма). Полученные данные с убедительностью свидетельствуют, что сферы жизнедеятельности, представляющие субсистемный уровень системного комплекса ролевой социализации, являются функциональными образованиями комплексирующими роли в определенный ролевой тезаурус. Это демонстрирует, что сферы представляют полисистемные образования, заполненные взаимодействием между ролевыми моделями. Вместе с тем эти ролевые модели выступают детерминантами эффективной социализации личности. Таким образом, дифференциация ролевой социализации на частные компоненты, приводит неизменно к тому, что эти парциальные результаты выступают в виде детерминантов осуществления дальнейших действий. В этом особом качестве представлена специфическая способность систем процессуального типа, заключающаяся в возможности распределять свой функциональный ресурс в контексте временного диапазона. Более того, отличительной особенностью такого рода систем является использование этих парциальных результатов для достижения общей цели. Иначе говоря, системы темпорального типа представляют собой самоорганизующиеся образования, продуцирующие необходимые для достижения цели промежуточные этапы, которые становясь результатами, детерминируют последующие действия в целостной системе.

Во-вторых, подобное временное структурирование отражает центральную позицию для систем темпорального типа, которая раскрывается в двойственности синхронической и диахронической организации. Для экспликации этих положений обратимся к работе [26], в которой было показано, что ролевое пространство может быть разделено на две зоны. Первая зона – это актуальные роли, «работающие» на цель и потребность индивида, участвующие в реализации ролевого поведения. Вторая зона – это латентные или потенциальные роли, выступающие ролевым резервом для личности. В случае совпадения актуальной роли с потребностями субъекта, роль реализуется в поведении. Резервные роли используются субъектом в случае оценки им не-

соответствия актуальной роли мотиву, актуальной ситуации или ролевым ожиданиям. При оценке актуальной роли как неудовлетворяющей возможен переход на предыдущие этапы, начиная с анализа ситуации, и повторение функционального круга. Однако в силу недостаточной включенности индивида в социальное пространство возможна реализация роли, которая или не удовлетворяет потребность, или не соответствует социальной ситуации. В этом случае индивид транслирует асоциальное ролевое функционирование, которое может выражаться в творческой или деструктивной активности. Согласно J. Spurlock [27] экспектации часто могут входить в противоречие с индивидуальными ролевыми ожиданиями субъекта и не совпадать с его целями. Несовпадение и множественность индивидуального понимания ролей с их социальной стороной, с точки зрения автора, часто провоцируют конфликт и стресс. Полученные в настоящем исследовании результаты с убедительностью доказывают необходимость учета временной системности ролевой социализации личности. Так иерархичность в регрессионных моделях ролей в виде вклада каждой роли демонстрирует временное структурирование для систем темпорального типа. Актуальная ролевая модель имеет наибольший вклад, чем меньше вклад, тем более вероятно, что перед нами потенциальная или резервная ролевая модель. Отвержение определенной ролевой модели для сферы, демонстрирует отрицательный вклад.

В-третьих, кумуляция ролевых моделей в сферах жизнедеятельности исследования отражает принцип «потенциальной неограниченности». Это конкретно проявляется в том, что отдельная социальная ситуация (жизненная сфера) предполагает приспособление к конкретным условиям и требует от субъекта актуализации одной из имеющихся в его арсенале ролевых моделей поведения. Таким образом, устанавливаются динамические отношения между средой и личностью, что является системообразующим фактором в ролевой социализации. При этом в пластах человеческого бессознательного одновременно присутствуют варианты других, потенциальных ролей, располагающихся близко к актуальной ролевой модели. Следовательно, эффективность социального функционирования индивида зависит от полноты представленности ролевых моделей в структуре личности и их дифференциации. Причем, именно такое функционирование выступает источником новой категории системных качеств, проявляемых во временной динамике процесса социализации [3]. Как отмечает О.В. Головашина [28], темпоральный фактор является определяющим для социального. Действия индивида в настоящем тесно связаны с его временем жизни, так что возможность совершать действия в настоящем детерминирована прошлым опытом и целеполаганием в будущем. Социальная реальность, по мнению О.В. Головашиной, обусловлена «взаимностью перспектив» социальных актов.

В-четвертых, в рамках полученных результатов реализуется сформулированный автором настоящей статьи [3] один из принципов темпоральной системности – принцип сменной детерминации. Суть этого принципа заключается в том, что состав и структура детерминационных факторов предполагают их развертывание во времени. Каждый последующий этап реализуется с опорой на результаты, которые были получены на предыдущих уровнях и этапах. При этом детерминанты генерируются на каждом этапе и являются благоприятными предпосылками для последующего функционального развертывания. Это свидетельствует о таком свойстве систем темпорального типа как самодетерминация. Согласно этой особенности системы или системные комплексы (к которым относится ролевая социализация) временного типа способны не только к генерированию какого-либо обобщенного результата, но и к использова-

нию этого результата в качестве условия своего функционирования. В своем роде – это темпоральная координация системы. Указанная особенность систем с дискретной временной коммутацией представлена в ряде современных работ по формированию моделей временных систем с инициируемым событием [29], изучению динамических систем и их изоморфизма [30], переключаемых сингулярных систем с неустойчивыми подсистемами конечного времени [31].

В-пятых, было доказано, что роли в регрессионных моделях оказывают не отдельное, а совместное воздействие на интегральные факторы социализации. В этом случае можно видеть значимый совместный вклад переменных предикторов на переменную отклик. Это демонстрирует эффекты супераддитивности, вскрывающие интеграцию ролевой социализации личности. Такое влияние имеет характер структурной детерминации, отчетливым индикатором которой выступает коэффициент множественной детерминации (R^2), варьирующийся во всех моделях от 41 % до 79 %. Следовательно, можно наблюдать, что итоговый обобщенный результат не сводим к аддитивной совокупности парциальных итераций, но имеет новые – атрибутивно-системные качества. В частности, этот парциальный результат распознается системой в качестве одного из своих компонентов, тем самым он транспонируется в содержание системы как еще один компонент. Аналогичный процесс повторяется на последующих итерациях, до тех пор, пока интеграция все более обобщающихся компонентов станет достаточной для реализации конечной цели ее функционирования. Таким образом, происходит превращение результатов в процесс, являющихся следствием более глубинного механизма – трансформации системных качеств в функциональные. Следовательно, целостный синтез ролевых моделей, превосходит их аддитивную совокупность и обеспечивает интеграцию в рамках системного комплекса, что составляет основу функциональной организации сложных систем [32; 33].

Выводы

Следовательно, структурное содержание ролевой социализации, должно быть дополнено темпоральной системностью, эксплицирующей организацию самого процесса функционирования системы. В этом особом качестве представлена специфическая способность систем процессуального типа, заключающаяся в возможности распределять свой функциональный ресурс вдоль временного континуума. Согласно этому положению структурное содержание систем или системных комплексов определенного типа, а именно – процессуальных, должно быть дополнено темпоральной системностью, эксплицирующей организацию самого процесса функционирования системы.

Любая сложно организованная процессуальная система образует последовательность частных компонентов, распределенную по временной оси. Более того, отличительной особенностью такого рода систем является использование этих парциальных результатов для достижения общей цели. Иначе говоря, системы темпорального типа представляют собой самоорганизующиеся системы, продуцирующие необходимые для достижения цели промежуточные этапы, которые становясь результатами, детерминируют последующие действия в целостной системе.

Итоговый обобщенный результат не сводим к аддитивной совокупности парциальных итераций, но имеет новые – атрибутивно-системные качества. В частности, этот парциальный результат распознается системой в качестве одного из своих ком-

понентов, тем самым он транспонируется в содержание системы как еще один компонент. Таким образом, происходит превращение результатов в процесс, являющихся следствием более глубинного механизма – трансформации системных качеств в функциональные. Следовательно, целостный синтез ролевых моделей, превосходит их аддитивную совокупность и обеспечивает интеграцию в рамках системного комплекса, что составляет основу функциональной организации сложных систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мид Дж. Сознание, самость и общность. М.: Директ-Медиа, 2007. 171 с.
2. Андреева Г.М. К истории становления социальной психологии в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1997. № 4. С. 6–17.
3. Карпов А.В. Психология деятельности: в 5 т. Т. 3: Функциональные закономерности. М.: РАО, 2015. 496 с.
4. Карпов А.В., Карпов А.А., Карабущенко Н.Б., Иващенко А.В. Динамика метакогнитивных детерминант управленческой деятельности в процессе профессионализации // Экспериментальная психология. 2018. Т. 11. № 1. С. 49-60.
5. Carter D The narrative of visual literacy: a framework for understanding the personal, social, and diachronic aspects of learning. // Journal of Visual Literacy, 2018. Vol. 37. Issue. 1. Pp. 51-65. DOI: 10.1080/1051144X.2018.1436264
6. Rahim S.A. Determinants of diachronic information seeking among communication intermediaries. // Asian Journal of Communication, 1990. Vol. 1. Issue. 1. Pp. 98-112, DOI: 10.1080/01292989009359522
7. Broome J. Synchronic requirements and diachronic permissions. // Canadian Journal of Philosophy, 2015. Vol.. 45. Issue. 5-6. Pp. 630-646. DOI: 10.1080/00455091.2015.1118231
8. Pruss A.R. A Deflationary Theory Of Diachronic Identity. // Australasian Journal of Philosophy, 2012. Vol. 90. Issue. 1. Pp. 19-37. DOI: 10.1080/00048402.2011.556131
9. Kovacs D.M. Diachronic Self-Making. // Australasian Journal of Philosophy. 2019. DOI: 10.1080/00048402.2019.1617323
10. Magidor O. Why neither diachronic universalism nor the Argument from Vagueness establishes perdurantism. // Canadian Journal of Philosophy, 2015. Vol. 45. Issue 1. Pp. 113-126. DOI: 10.1080/00455091.2015.1029572
11. Ferrero L. Diachronic Structural Rationality. // Inquiry, 2014. Vol. 57. Issue 3. Pp. 311-336. DOI: 10.1080/0020174X.2014.894272
12. McConnell D. DBS, Personal Identity, and Diachronic Value, AJOB Neuroscience, 2013. Vol.4. Issue. 2. Pp. 47-49. DOI: 10.1080/21507740.2013.782908
13. Clark D.B., Pollock N.K., Mezzich A., Cornelius J. & Martin C Diachronic Substance Use Assessment and the Emergence of Substance Use Disorders. // Journal of Child & Adolescent Substance Abuse, 2001. Vol. 10. Issue:4. Pp. 13-22. DOI: 10.1300/J029v10n04_02
14. van Geert P. Time and Theory in Social Psychology. // Psychological Inquiry, 1997. Vol. 8. Issue:2. Pp. 143-151. DOI: 10.1207/s15327965pli0802_11
15. Marriott S. Education and the social psychology of time. // Educational Review, 1970. Vol. 22. Issue 2. Pp. 181-197. DOI: 10.1080/0013191700220206
16. Разумовский О.С. Время: иллюзия или реальность? (Взгляды К. Гёделя и вслед за ним) // Полигнозис, 1998. № 1. С. 35-47/
17. Nakajima T. Synchronic and diachronic hierarchies of living systems // International Journal of General Systems, 2004. Vol. 33. Issue 5. Pp. 505-526. DOI: 10.1080/0308107042000193525
18. Григорьева М.В. Диахронический подход к исследованию процессов социально-психологической адаптации личности // Известия Саратовского ун-та. 2013. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 1. (13). С. 55-58.
19. Перевозкин С.Б., Андронникова О.О., Перевозкина Ю.М. Ролевая структура подростков в межличностном взаимодействии // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8. № 1. С. 23-44.
20. Перевозкина Ю.М., Зиновьева Л.В. Структура ролевой социализации // Социокультурные проблемы современного человека: / Всероссийская научно-практическая конференция (17-18 мая). Новосибирск: НГПУ, 2018. С. 206-214.
21. Gerardy, H. [et al.] Mothers Management of Adolescent Peer Relationships: Associations With Aggressive, Prosocial, and Playful Behavior // The Journal of Genetic Psychology, 2015. Vol. 176, Issue. 5. Pp. 299–314. DOI: 10.1080/00221325.2015.1066746
22. Chao, J.-K. Relationship Among Sexual Desire, Sexual Satisfaction, and Quality of Life in Middle-Aged and Older Adults // Journal of Sex & Marital Therapy. 2011. Vol. 37. Issue. 5. Pp. 386–403. DOI: 10.1080/0092623X.2011.607051
23. Gutsa, I. Sexuality among the elderly in Dzivaresekwa district of Harare : the challenge of information, education and communication campaigns in support of an HIV/AIDS response // African Journal of AIDS Research, 2011. Vol. 10,

Issue. 1. Pp. 95–100. DOI: 10.2989/16085906.2011.575552

24. Malakouti, S.K. M. Salehi, M. Nojomi [et al.]. Sexual Functioning Among the Elderly Population in Tehran, Iran // *Journal of Sex & Marital Therapy*. 2012. Vol. 38, Issue. 4. Pp. 365–377. DOI: 10.1080/0092623X.2011.628438
25. Чемякина А.В., Перевозкина Ю.М., Карпов А.В., Карпов А.А. Структурные закономерности рефлексивной детерминации управленческой деятельности в образовательном пространстве // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2018. № 5 (8). С. 209-228.
26. Перевозкина Ю.М., Федосов В.Г., Прюс Ф. Функциональная организация импазо-ролевой социализации молодежи: метасистемный подход // *Системная психология и социология*. 2018. № 3 (27). С. 130-144.
27. Spurlock J. Multiple roles of women and role strains // *Health Care for Women International*, 1995. Vol. 16. Issue. 6 Pp. 501-508 DOI: 10.1080/07399339509516205
28. Головашина О.В. Темпоральность в исследованиях социального: конструирование времени и временем // *Философия и общество*. 2016. № 3. С. 42–56.
29. Gao H., Zhang H., Zheng D., Zhang L., Li Y. Finite-time event-triggered extended dissipative control for discrete time switched linear systems // *International Journal of General Systems*. 2019. Vol. 48. Issue. 5. Pp. 476-491. DOI: 10.1080/03081079.2019.1608983
30. Ostadhadi-Dehkordi S., Karimi Amaleh M. Dynamical systems and congruence relations, International // *Journal of General Systems*. 2019. Vol. 48. Issue. 1. Pp. 66-79. DOI: 10.1080/03081079.2018.1524468
31. Wei J., Zhang X., Zhi H., Mu X., Zhu X. New finite-time stability conditions of linear switched singular systems with finite-time unstable subsystems, International // *Journal of General Systems*. 2019. DOI: 10.1080/03081079.2019.1615907
32. Карпов А.В., Карпов А.А., Субботина Л.Ю. Методологические и методические основы исследования метакогнитивных детерминант организации деятельности // *Российский психологический журнал*. 2017. № 1 (14). С. 149-175.
33. Karpov A.V. Meta-system approach as a methodological principle of psychological research // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2010. T. 3. С. 154-170.

REFERENCES

1. Mead J. *Consciousness, self and community*. Moscow, Direct Media Publ., 2007. 171 p.
2. Andreeva G.M. On the history of the formation of social psychology in Russia. *Vestn. Mosk. un-that. Ser. 14. Psychology*, 1997, issue 4, pp. 6–17.
3. Karpov A.V. *Psychology of activity: in 5 tons. T. 3: Functional patterns*. Moscow, RAO Publ., 2015. 496 p.
4. Karpov A.V., Karpov A.A., Karabushchenko N.B., Ivashchenko A.V. Dynamics of metacognitive determinants of management in the process of professionalization. *Experimental Psychology*, 2018, vol. 11, issue 1, pp. 49-60.
5. Carter D The narrative of visual literacy: a framework for understanding the personal, social, and diachronic aspects of learning. *Journal of Visual Literacy*, 2018, vol. 37, issue 1, pp. 51-65. DOI: 10.1080/1051144X.2018.1436264
6. Rahim S.A. Determinants of diachronic information seeking among communication intermediaries. *Asian Journal of Communication*, 1990, vol. 1, issue. 1, pp. 98-112, DOI: 10.1080/01292989009359522
7. Broome J. Synchronic requirements and diachronic permissions. *Canadian Journal of Philosophy*, 2015, vol. 45, issue 5-6, pp. 630-646. DOI: 10.1080/00455091.2015.1118231
8. Pruss A.R. A Deflationary Theory Of Diachronic Identity. *Australasian Journal of Philosophy*, 2012, vol. 90, issue 1, pp. 19-37. DOI: 10.1080/00048402.2011.556131
9. Kovacs D.M. Diachronic Self-Making. *Australasian Journal of Philosophy*, 2019. DOI: 10.1080/00048402.2019.1617323
10. Magidor O. Why neither diachronic universalism nor the Argument from Vagueness establishes perdurantism. *Canadian Journal of Philosophy*, 2015, vol. 45, issue 1, pp. 113-126. DOI: 10.1080/00455091.2015.1029572
11. Ferrero L. Diachronic Structural Rationality. *Inquiry*, 2014, vol. 57, issue 3, pp. 311-336. DOI: 10.1080/0020174X.2014.894272
12. McConnell D. DBS, Personal Identity, and Diachronic Value, *AJOB Neuroscience*, 2013, vol. 4, issue 2, pp. 47-49. DOI: 10.1080/21507740.2013.782908
13. Clark D.B., Pollock N.K., Mezzich A., Cornelius J.& Martin C Diachronic Substance Use Assessment and the Emergence of Substance Use Disorders. *Journal of Child & Adolescent Substance Abuse*, 2001, vol. 10, issue 4, pp. 13-22. DOI: 10.1300/J029v10n04_02
14. van Geert P. Time and Theory in Social Psychology. *Psychological Inquiry*, 1997, vol. 8, issue 2, pp. 143-151. DOI: 10.1207/s15327965pli0802_11
15. Marriott S. Education and the social psychology of time. *Educational Review*, 1970, vol. 22, issue 2, pp. 181-197. DOI: 10.1080/0013191700220206
16. Razumovsky O.S. Time: illusion or reality? (The views of K. Gödel and behind him). *Polignosis*, 1998, issue 1, pp. 35-47.
17. Nakajima T. Synchronic and diachronic hierarchies of living systems. *International Journal of General Systems*, 2004, vol. 33, issue 5, pp. 505-526. DOI: 10.1080/0308107042000193525
18. Grigorieva M.V. Diachronic approach to the study of the processes of socio-psychological adaptation of the individual. *News of Saratov University, Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, issue 1, pp. 55-58.

19. Perevozkin S.B, Andronnikova O.O, Perevozkina Yu.M. Role structure of adolescents in interpersonal interaction. *Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University*, 2018, vol. 8, issue 1, pp. 23-44.
20. Perevozkina Yu.M., Zinovyeva L.V. The structure of role socialization / *Socio-cultural problems of modern man: All-Russian scientific-practical conference (May 17-18)*. Novosibirsk, NGPU Publ., 2018, pp. 206-214.
21. Gerardy H. [et al.] Mothers Management of Adolescent Peer Relationships: Associations With Aggressive, Prosocial, and Playful Behavior. *The Journal of Genetic Psychology*, 2015, vol. 176, issue 5, pp. 299–314. DOI: 10.1080/00221325.2015.1066746
22. Chao J.-K. Relationship Among Sexual Desire, Sexual Satisfaction, and Quality of Life in Middle-Aged and Older Adults. *Journal of Sex & Marital Therapy*, 2011, vol. 37, issue 5, pp. 386–403. DOI:10.1080/0092623X.2011.607051
23. Gutsa I. Sexuality among the elderly in Dzivaresekwa district of Harare: the challenge of information, education and communication campaigns in support of an HIV/AIDS response. *African Journal of AIDS Research*, 2011, vol. 10, issue 1, pp. 95–100. DOI: 10.2989/16085906.2011.575552
24. Malakouti, S.K. M. Salehi, M. Nojomi [et al.]. Sexual Functioning Among the Elderly Population in Tehran, Iran. *Journal of Sex & Marital Therapy*, 2012, vol. 38, issue 4, pp. 365–377. DOI: 10.1080/0092623X.2011.628438
25. Chemyakina A.V., Perevozkina Yu.M., Karpov A.V., Karpov A.A. Structural laws of reflexive determination of management activities in the educational space. *Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University*, 2018, vol. 8, issue 5, pp. 209-228.
26. Perevozkina Yu.M., Fedosov V.G, Pruss F. Functional organization of impaso-role socialization of youth: a metasystem approach. *System Psychology and Sociology*, 2018, vol. 27, issue 3, pp. 130-144.
27. Spurlock J. Multiple roles of women and role strains. *Health Care for Women International*, 1995, vol. 16, issue 6, pp. 501-508. DOI: 10.1080/07399339509516205
28. Golovashina OV Temporality in social studies: the construction of time and time. *Philosophy and Society*, 2016, issue 3, pp. 42–56.
29. Gao H., Zhang H., Zheng D., Zhang L., Li Y. Finite-time event-triggered extended dissipative control for discrete time switched linear systems. *International Journal of General Systems*, 2019, vol. 48, issue 5, pp. 476-491. DOI: 10.1080/03081079.2019.1608983
30. Ostadhadi-Dehkordi S., Karimi Amaleh M. Dynamical systems and congruence relations, International. *Journal of General Systems*, 2019, vol. 48, issue 1, pp. 66-79. DOI: 10.1080/03081079.2018.1524468
31. Wei J., Zhang X., Zhi H., Mu X., Zhu X. New finite-time stability conditions of linear switched singular systems with finite-time unstable subsystems. *International. Journal of General Systems*, 2019. DOI: 10.1080/03081079.2019.1615907
32. Karpov A.V., Karpov A.A., Subbotina L.Yu. Methodological and methodological foundations of the study of metacognitive determinants of the organization of activity. *Russian Psychological Journal*, 2017, vol. 14, issue. 1, pp. 149-175.
33. Karpov A.V. Meta-system approach as a methodological principle of psychological research. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2010, vol. 3, pp. 154-170.

Информация об авторах

Карпов Анатолий Викторович

(Россия, Ярославль)

Доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, декан факультета психологии, заведующий кафедрой психологии труда и организационной психологии

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

E-mail: anvikar56@yandex.ru

Перевозкина Юлия Михайловна

(Россия, Новосибирск)

Кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой практической и специальной психологии, Новосибирский государственный педагогический университет

E-mail: per@bk.ru

Андронникова Ольга Олеговна

(Россия, Новосибирск)

Кандидат психологических наук, доцент, декан факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет

E-mail: andronnikova_69@mail.ru

Information about the authors

Anatoliy V. Karpov

(Russia, Yaroslavl)

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Corresponding Member of the RAE, Dean of Psychology Department, Head of the Department of Work and Organizational Psychology

P.G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: anvikar56@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-4547-2848

Yuliya M. Perevozkina

(Russia, Novosibirsk)

PhD in Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Practical and Special Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University

E-mail: per@bk.ru

ORCID ID: 0000-0003-4201-3988

Olga O. Andronnikova

(Russia, Novosibirsk)

PhD in Psychological Sciences, Associate Professor, Dean, Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University

E-mail: andronnikova_69@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1756-7682